

Вырезка из газеты

КОММУНИСТ

г. Саратов

25 СЕН 1976

ЖАЖДА ГАРМОНИИ

— ТВОРЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ —

«Октябрь уж наступил — уж
роша отражает
Последние листы с нагих своих
ветвей;
Дохнула осенний хлад, дорога
промерзает...»

Олег Балакин читает Пушкина. Легко и свободно льются строчки пушкинского стиха. Вслед за поэтом артист воссоздает картины чарующей русской природы. Мы в плену пушкинского языка, в плену у рассказчика. Балакин не просто читает стихи, он словно разыгрывает драматический эпизод. И стихи с их непреходящей красотой превращаются в раскраску чтеца о поэте.

Отсчет своей актерской деятельности Балакин ведет с 1964 года. Работать в Саратовском тюзе стал сразу после окончания училища имени И. А. Слонова. Учеба, а затем работа в театре — это более пятнадцати лет творческого общения с педагогом и режиссером, народным артистом СССР Ю. П. Киселевым.

Играл много. Отснялся не в одном фильме. Но шумного успеха не было. Публика, отдавая должное артисту, его исключительной искренности, долгое время упорно оставалась прохладной...

Небольшого роста, с глубоко посаженными, чуть-чуть ироническими глазами, глуховатым голосом, с острым природным чувством юмора, пластичен, мультяшен...

Любую его роль отличает заразительность, типическое исполнение. В каждой работе предельно узнаваем. И не потому, что ему недоступно искусство перевоплощения, а потому, что яркая индивидуальность актера проступает, проявляется сквозь образы, созданные им. И выходят на подмостки герои Олега Балакина, в чем-то обязательно отличные от знакомых, ранее виденных нами в театрах и кино, разрушающие стереотипное представление об образе. Встречи с ними неожиданны, интересны, увлекательны. Таковы Швандя («Любовь Яровая»), Степан Барабаш («На улице Счастливой»), Стародум («Недоросль»), Крутицкий («На всякого мудреца довольно простоты») и другие.

В последнее время в исполнительской манере Олега Балакина все более обнаруживается это свое, глубокое, личное. Сквозь острую характерность все отчетливее пробивается трогательная человечность. Жизнь человеческого ду-

ха становится главным объектом его внимания. Обладая достаточной зоркостью, Балакин исследует психологию своего героя. Ему доставляет наслаждение создавать характер через познание его судьбы.

Спектакли, на которых останавливалось подробнее, — недавние премьеры театра, виденные мною не раз и не два. И не всякий раз одинаково увлекательна работа Балакина в одной и той же роли. Но невозможно забыть те мгновения, когда становишься очевидцем вдохновенного творчества: на глазах, здесь, сейчас, оттачивается каждая фраза, пробуждая эмоциональные интонации, на наших глазах идет увлекательное разгадывание мыслей, ассоциаций, психофизического состояния образа. Игра Балакина доставляет наслаждение не только, и, я бы сказала, не столько потому, что увлекает в глубь человеческой психологии, а потому, что заражает творчеством, заставляет сопереживать. Ибо, как сказал великий Аристотель, «... вернее всего передают какое-либо душевное движение те, которые сами переживают его, и взволнованный действительно волнует других, а гневящийся сердит».

Так беспредельно волнует балакинский Егор Полушкин в спектакле «Не стреляйте в белых лебедей» и гневит Андрей Селезнев в «Четырех каплях». Встреча с Полушкиным, как мне кажется, произошла у Балакина задолго до встречи с этой ролью. Вначале это был Никита Богатов в «Весенних перевертышах». А может быть, еще раньше. Еще тогда, когда он привязался к своему Луке («На дне»). О таких, как Егор Полушкин, принято говорить, что они неудачники. Но их жизненная непригодность прямо пропорциональна твердости убеждений и вере в жизнь! Полушкин — гармоническая личность, переполненная признательности к самому факту существования жизни на земле. То, чем природа одарила Полушкина, она отпустила не каждому. Он несказанно богат, его талант — уметь быть счастливым! В любви к человеку — зерно образа, созданного Балакиным.

За кажущейся ущербностью обнаруживаются ценнейшие че-

ловеческие качества, за смешным и жалким таится воля и страсть. Балакин, восхищенный щедростью души своего героя, потрясает зрителя чуткостью и тонкостью восприятия явлений, окружающей его жизни.

Один пример. Ракетой взвилось пламя — горит муравейник. В сторонке, освещенный пламенем чудовищного костра, стоит Полушкин — голова вобрана в плечи, руки безвольно повисли вдоль туловища. Мы не видим лица артиста, не слышим его голоса, но всем существом ощущаем, какой невыразимой болью отозвалось в нем случившееся. Стоит Полушкин Балакина, потрясенный и пристыженный за людей, только что совершивших преступление против природы, против самих себя. В широко раскрытых глазах его — тоска, жалость. Да, жалость, и не столько к муравьям, беспощадно сожженным на его глазах, сколько к ним, к людям. Он жалел их за то, что «небо над ними серое, а не голубое».

В прямой зависимости от основного качества характера героя Балакина находятся и приемы его игры. Егор не суетлив, говорит медленно и вдохновенно, говорит — и словно сам себя слушает. Нежная, прозрачная лирика Балакина не имеет ничего общего с сентиментальностью.

На протяжении всего спектакля Балакин держит зрителя в постоянном напряжении, руководит нашим настроением, вызывая в нас то смех, то острое ощущение щемящей тоски.

Его герой — не сверхчеловек, но его неистребимый дух дает нам нравственный заряд огромной силы.

В одной из «Четырех капель» В. Розова он играет роль Андрея Селезнева, одного из пассажиров электрички, идущей из Москвы в сторону ее пригородов. Тишина. Мертво постукивают колеса на стыках рельсов. В вагоне двое. Один со значком лауреата Ленинской премии, другой — с сеткой апельсин. Того, что с апельсинами, играет Балакин. С первых же минут, с пристального бесцеремонного разглядывания соседа с лауреатским значком, нам становится как-то неуютно. Балакин словно примеряется, приценивается — заговорить или нет? Уж больно не по вкусу тот, со значком: нелюбопытен, неразговорчив. От усталости или от презрения? Кто он теперь, чем занимается? Уже очень аккуратен! Интеллигентен! Но любопытство берет верх...

В вагоне бывшие однокашники, много лет не видевшие друг друга. Один — ученый, другой — «простой человек», «трудяга», — «высшую школу на ходу заканчивал» и «руки у него грубые, потому что в мозолях». Балакин проводит сцену в стремительном темпе, балансируя на грани преувеличения, но никогда не простирая эту грань. Гнев сменяется исторической веселостью, от ощущения собственной неполноценности рождается защитная реакция. Он доходит до абсурда. Зарвавшийся Селезнев протягивает руку к лауреатскому значку и... покатились по полу апельсины...

Блестящая работа! Не только потому, что актер создал подлинную жизнь, но и потому, что в работе над ролью дошел до самого главного — до сути происхождения самого явления селезневых. И это чрезвычайно важно. Ибо, только изучив причины болезни, можно найти способ от нее избавиться. В этом — нравственная задача искусства.

Успех нашел артиста, заслуженный и неодномоментный. Но свои самые главные роли актер еще не сыграл. Не сыгранные — всегда главные. В этом диалектика творчества.

Р. ТАРАКАНОВА

На снимке: заслуженный артист РСФСР Олег Балакин.

Фото А. Салюкова